

Источники и литература

1. Дашковский П. К. Введение // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в. Барнаул, 2014. 214 с.
2. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1248 с.
3. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул, 2008. 528 с.
4. ПМА 2022 г.: Чистоозерный р. Новосибирской обл. с. Кошкуль. Куликовская Ф. П. 1933 г. р., Пискунова З. М. 1950 г. р., Гостева Л. В. 1952 г. р.
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 2.
6. Отдел архивной службы администрации Чистоозерного района Новосибирской области. Ф. 236. Оп. 3. Д. 1–4.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-235-247

УДК 392.51 (571.150)=161.1

В. С. Осокина

Свадебная обрядность русского населения Алейского района в 1950–1970-е гг. по полевым материалам 2022 года*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности свадебного обряда русских в 1950–1970-е гг. через анализ полевых материалов, собранных в Алейском районе в 2022 г. Автор проводит сопоставление свадебной обрядности в городской и сельской местности, а также какое влияние на него оказывало государство посредством идеологии. **Ключевые слова:** *свадебная обрядность, русское население, Алтайский край, 1950–1970-е гг.*

Свадьба — неотъемлемая часть жизни почти каждого человека. Свадебная обрядность в XX в. прошла через многие изменения — от упрощения до последующего возвращения к торжественности и пышности. Во многом это связано с тем, что, как отмечает Т. К. Щеглова, государство в этот период «ставило задачу сформировать идентичность — «советский народ» — как «новую историческую общность людей» [1, с. 174]. В результате советская идентичность, образуя новые жизненные установки населения, активно изменяло в том числе и традиционную обрядность.

Изменению традиционной обрядности способствовало и само время. Как отмечает Н. Б. Лебина, именно период «оттепели» характеризуется заметной демократизацией свадебного обряда и закреплением тех свадебных норм, которые используются по сей день (обручение кольцами, особая одежда жениха и невесты, регистрация в Двор-

* Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Рыков.

цах бракосочетания, отмечание свадьбы в ресторанах и других общественных местах и т. д.) [2, с. 98–99]. При этом важно отметить и то, что, как справедливо отмечает тот же автор, начальное распространение новшеств начиналось с городской среды. Причем в сельской местности эти процессы часто шли с иной скоростью, нежели в городе.

В настоящей статье автор рассматривает как обряд проведения свадьбы изменялся в сельской местности под влиянием государственных установок и модернистских нововведений в 1950–1970-е гг. На примере нескольких сельских пунктов Алейского района автор предпринимает попытку восстановить особенности проведения свадебного обряда, характерные для данной территории, и увидеть изменения, через который он прошел.

Работа написана на основе материалов, собранных в ходе научной историко-этнографической экспедиции сотрудников и студентов института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета под руководством старшего преподавателя кафедры отечественной истории, кандидата исторических наук Алексея Викторовича Рыкова. Местом проведения экспедиции являлся Алейский район. В статье использованы интервью, собранные автором в с. Савинка и с. Дружба. В ходе работы научной экспедиции были опрошены 9 респондентов, родившихся в конце 30-х – начале 50-х гг. XX в.

Свадебная обрядность на современном этапе развития историографии рассматривается как этнографами, так и антропологами. Специалистами данных наук сделан значительный вклад в раскрытие данной проблемы, но важно отметить то, что изменения традиционной свадебной обрядности в 1950–1970-е гг. в сельской местности остаются малоизученными. Этнографы в большей части не затрагивают Алтайский регион [3] или рассматривают изменения обрядности предшествующего периода [4–5], а антропологи делают акцент преимущественно на городском населении [2, 6–7].

В 1950–1970-е гг. широко распространенным явлением было замужество в раннем возрасте: акцентируется внимание на том, что «тогда в основном 16–17 лет, редко кто в 18 лет выходил [замуж]» [8].

Чаще всего фактором, который определял сближение с будущим супругом, являлось соседство или знакомство с детства: «мы на одной улице жили: мы на углу, а они там жили», «он местный», «знали друг друга, раз в одной деревне жили» [8–10]. Будущие жених и невеста чаще всего проживали в одном населенном пункте, но нередкими были и браки между жителями разных деревень – в этом случае невеста переезжала в дом к жениху. В отличие от начала XX в., браки уже со-

вершались по согласию брачующихся, а не по воле родителей, как ранее. Родители больше не принуждали своих детей принимать нелюбимых и смирялись со сделанным детьми выбором: родители «побурчали да перестали» [8].

Другим обстоятельством являлись встречи в «клубах» и «на танцах». Некоторое время будущие супруги общались друг с другом и проводили время вместе – «дружили». Подробно об этом периоде рассказывает одна из респонденток: «До свадьбы год дружили – кого там маленько. Старался, чтобы, это, не оттолкнула. До дома провожал, да и все. В это время уже как-то клубы, все равно – и танцевали там, и песни пели, и кружились. Тогда грех был целоваться – греха боялись» [11]. Подчеркивается, что именно так и все «дружили» тогда: «В клуб пойдем, до клуба идем, до дома проводит – пошел домой» [8].

Не менее распространенной причиной для женитьбы являлось возвращение молодого человека из армии: «Такой, наверно, закон был: пришел с армии – пора жениться» [10], «Он в армии отслужил, приехал и была свадьба» [12]. Также считалось, если не годен в армию – женись: «В армию его не взяли, а мать говорит: „Так, всё, в армию не взяли, раз тебе билютень дали, что всё, в строевую не годный – женись, нечего болтаться“. И поженили нас. „Идите, – говорит, – и женимся“» [13].

Между влиянием родителей на личную жизнь детей в начале и второй половине XX в. была большая разница: в дореволюционное время выйти замуж по любви было сложно, так как процесс с самого начала находился в руках родственников невесты. Часто выгодная для семьи кандидатура рассматривалась как подходящая для девушки, при том зачастую молодые люди даже не знали друг друга. В большинстве случаев брак совершался по принуждению, а не по взаимной симпатии. В 1950–1970-е гг. после того, как будущие жених и невеста приняли решение пожениться, это намерение открывалось перед родителями. Начиналось сватовство – к родителям невесты посылали сваху или свата, порой в дом невесты отправлялась целая «делегация»: «Пришли крестный его с крестной, крестная с мужем, пришел сам отец его, Болотов, мать пришла, соседи попришли – наверно, человек 15 пришло, и вот тогда засватались» [8]. Для приличия в первый раз необходимо было вежливо отказаться, но если брак был желанным, надо было дать намек на последующее развитие отношений. Такие вещи зачастую обговаривались заранее между возлюбленными и их родителями. Подробно эта часть описана одной из респонденток: «Договоренность уже была, я им сказала. Наши знали родители, в какой день свататься придут, они уже и все приготовили. Мы просто – он пришел, ну так-то,

так-то: „Согласна ты?“ Вот мать говорит: давай, мол, дескать, определяться. Он сказал, что я вот хочу с вашей дочерью жизнь соединить, как вот вы – против или не против? Мама сказала: „Ну я не знаю, как она“. Ну вот мы посоветовались с родителями, когда свататься придем, мы дополнительно скажем» [8]. Родители в знак согласия на предстоящий брак благословляли молодых иконой, преподнося ее как подарок будущей семье.

Говоря о благословении, необходимо рассказать и о судьбе венчания – одного из неотъемлемых атрибутов русской традиционной свадьбы. Еще в начале XX в. этот обряд был широко распространен на территории всей страны и фактически считался обязательной частью свадьбы. Ситуация меняется после прихода к власти большевиков: атеистические настроения управляющих страной предполагали такое же отношение к вере и у простых людей. Появилась светская церемония свадьбы [6, с. 49]. Но бороться с «освящением браков» пришлось до 1960-х гг. С этого времени обряд венчания встречается реже, а среди опрошенных респондентов венчанных пар были единицы – противостояние власти и церкви сопровождалось активными действиями со стороны партии, которая при необходимости проводила свою «антирелигиозную пропаганду» и в стенах собственного дома – не раз респондентки говорили об «отце-коммуняке». Также этому способствовало разрушение церквей, прошедшее ранее.

Пережитком некогда соблюдавшегося религиозного свадебного обряда остались обручальные кольца. Светский характер свадьбы не подразумевал колец, платья и торжества. Н. Б. Лебина отмечает, что свадебный атрибут «старались не носить супруги со стажем» [6, с. 53]. Однако через некоторое время кольца вернутся в пользование и восстановят важную роль составляющей свадьбы. В 1960–1970-е гг. атрибут вновь стал восприниматься как данность и уже не преследовал никаких религиозных подтекстов у носивших. Респонденты отмечают, что эта тенденция имела в Алейском районе, но ее распространенность была небольшой из-за дороговизны самих колец. Одна из респонденток рассказала о том, как свадебное украшение было подарено ей на свадьбу мужем ее сестры: «Роскошного ничего не было. Кольца были, Женя [муж] покупал – он солдат, сержант – какие у него деньги, и у меня зарплата учительская, муж сестры покупал» [9].

Демонстрацией успеха сватовства являлся «малый запой», устраиваемый в доме у невесты в тот же день. Как отмечает Л. Н. Чижикова, «пропой» играл символическую роль помолвки и показывал серьезные намерения обеих сторон [14, с. 174]. На этой первой встрече родственников будущей семейной пары обсуждались разные хлопоты и

заботы, связанные со свадьбой, в особенности материальная составляющая. Также в Алейском районе зафиксирована традиция дарения невестой подарков именно в период «малого запоя»: «И вот если тетки есть, дядьки, крестная и крестный – одариваешь кого платком, кого отрез на платье, кому рубаху дядькам, кому там майку» [8]. В некоторых работах отмечается, что дары закупались на деньги жениха, но респонденты упоминают лишь трату собственных средств.

На следующий день семья невесты отправлялась в дом жениха с целью «колышки посчитать» или привезти «приданое». Традиционно приданое было очень важно для невесты, ведь все необходимые для бытовой жизни предметы девушка должна была шить на протяжении всей своей незамужней жизни. Если приданое было не совсем готово, то, как указывает В. С. Бузин, невеста собирала своих подруг и с их помощью заканчивала начатое [15, с. 321–322]. К изучаемому периоду, однако, приданое уже часто не изготавливалось вручную, а покупалось. По воспоминаниям респондентов можно понять, что это предметы, необходимые молодоженам в повседневной жизни: постельное («чтоб перина была, подушки, матрасы, одеяла»), различные занавески («тюль вешаешь, ночные вешаешь, занавески над грубками, над печкой вешаешь») [8]. Процессом «подсчета колышков» руководили крестные – именно они наведывались в дом жениха с целью все там «обмерить», то есть узнать необходимые для создания вещи параметры. Отмечается, что все необходимое перевозилось в ящиках, предназначенных специально для этого (обычно дарились отцом). Респонденты подчеркивают, что сроком подготовки свадьбы обычно был месяц.

После совершенных приготовлений необходимо было позаботиться и о свадебном наряде невесты. В период 1960–1970-х гг. начинают появляться свадебные салоны [2, с. 100], однако тенденция к созданию свадебного наряда своими руками не только никуда не уходит, но и, наоборот, достигает пика популярности. Зачастую респонденты сходились на одном мнении – покупался материал и из него шилось будущее платье. Нередко работа выполнялась мамой, которая «хорошо шила, портниха была» [17], либо знакомым человеком, занимавшимся этой деятельностью профессионально: «Тут у нас тетя Наташа умерла, она портниха была. Она хорошо платья шила» [8]. Однако традиция «чистого» белого платья, которая является в наше время очень популярной, в то время не имела широкого распространения. На городских свадьбах это было связано с проявлениями модных тенденций [7, с. 270]. Некоторые из них перенимались и в сельской местности, что можно проследить по воспоминаниям респондентов из Алейского района. Нередко свадебные платья были красочны и эффектны:

«Ну платье у меня было какое-то розовенькое» [11], «Оранжевое платье у меня красивое было. Короткий рукавчик, обычный. Была мода – сбоку на замочке, строго приталенное» [12]. При этом нередко невеста выходила замуж в обычном простом неспрадном платье: «Платье простое, в котором в школу ходила, и сильно нарядов-то не было», «Не белое, а школьное – сарафан какой-то с ляпочками» [9]. Самыми распространенными материалами, из которых шили свадебные платья, были штапель и ситец.

Свадебный наряд жениха отличался постоянством и неизменностью. Одна из респонденток подметила: «В то время уже одевались нормально. Жених обычно был на свадьбе в костюме и рубашке». В зимнее время добавочным элементом являлось бобриковое пальто или „москвич“ [11]. Респонденты отмечают, что бобриковое пальто не шилось исключительно из «бобрика» – использовался разнообразный материал. Что касается «москвича», то в то время он являлся заменой современной куртки: «Шили из сукна и ваты. Продавали в магазине, 350 рублей стоил. На ноги зимой и женщины и мужчины одевали пимы» [11].

Что касается укладки волос, то большинство респонденток рассказали, что заплетали две «косенки»: «Косички все девчонки носили. И на свадьбу были косы – обязательно» [9]. По нашему мнению, вероятно, две косы являются отголоском старинного свадебного обряда «повивания» невесты: девушке расплетали одну косу, которую она носила до замужества, и делили ее на две, попутно надевая на голову женский головной убор. Этот обряд символизировал переход невесты в новую социальную группу – она становилась замужней женщиной. В данном случае мы наблюдаем, что обрядовая составляющая была опущена, однако ее суть сохранена. Встречаются также примеры идущих в ногу со временем «современных» невест, которые делали химическую завивку [12]. Судя по интервью, такие девушки не стремились соблюдать давние обычаи, что и подчеркивалось этим действием.

Непосредственно перед свадьбой проходил девичник: в этот день невеста должна была попрощаться со своей прошлой незамужней жизнью. В доме собирались подруги и, по словам Л. Н. Чижиковой, «оплакивали свое девичество» [14, с. 178]. Далее следовал банный ритуал, результатом которого становится «перерождение» невесты. К сожалению, тенденция к проведению девичника в период 1950–1970-х гг. в Алейском районе по результатам анализа собранных полевых материалов не была обнаружена.

После месяца приготовлений начинался главный этап – сама свадьба. Жених вместе с дружкой, своими родственниками и крестными собирали «свадебный поезд» и отправлялись к невесте. В доме не-

весты ожидали прибытие «поезда». В этот момент девушка в доме находилась не одна: «Девки, мои подружки, пособрались, все за столами сидели, а потом он, жених, приехал тоже не один, а дружок он назывался» [16]. Вскоре жених приезжал к дому невесты, однако по сложившейся традиции за девушку нужно заплатить выкуп. К воротам выходили подружки невесты — они выполняли роль караула, а также принимали плату за будущую супругу. Одна из респонденток дала подробное описание этому событию: «Сидят подружки невесты, заходят дружки жениха — они проламываются, хотят девчонок расталкивать, а они говорят: „Так, плати“. Жених появляется, жених тоже — ну, ясно, в карманах деньги есть, жених тоже врывается, они его задержат: „Плати. Нету денег — ну нету, и невесты нету“. Так туда-сюда тусуются, тусуются, потом жених вытаскивает деньги, друзья ложат еще сколько вот этой кавалькаде, а невеста сзади сидит. Они отдают — и отдают не невесте, а те, которые охраняют. Одна кричит: „Мало!“ Человека три или четыре тогда раскошелливаются, выкупают невесту. Как я помню — больше мелочь, мелочевку кидают на стол» [9].

Выкуп невесты также сопровождался выкупом ее косы. Накануне свадьбы девушке расплетали косу и заплетали две — она становилась замужней женщиной. Несмотря на то, что выкупал косу жених, на руке ее носил дружка: «Дружок с косой, сшитой из тряпочек, понужал коней, и в каждый двор заходили» [16]. Сам процесс продажи косы был хорошо описан В. Я. Проскуряковой: «О-о, продавали косу — такой вот с этих всяких ленточек отрывали и на ручечку, ручечку ее так обделывали — вот это коса, чтобы жених выкупил косу эту. И вот все сидели за столами — вот подружки там, и молодые так, и все. Маленькие денюжки были — какие кидали три копейки, это подружкам платили. После продажи косы молодые садятся, гостей позывают, а эти, которые вот подружки все были, они уж тогда все сидят, угощаются в доме у невесты» [11].

Свадебным транспортом чаще всего была украшенная колокольчиками и алыми лентами тройка лошадей, запряженная в небольшую кошевочку, управляемую «дружкой» или крестными. Подробное описание украшений поезда дает А. И. Бороденко: «Коней запрягали, дуги наряжали, колокольчики вешали, а шас такого нету. Дуга была, у старых людей были опояски цветные, она шерстяная была или тканая — всякая разная, опоясали дугу, ввернут в дуги и еще ленты, цветы — все село гремит» [13]. Главная задача поезда — «в каждый дом ездить, заходить, приглашать». На свадьбу приглашали в основном родственников (зачастую заранее оповещая их о готовящемся празднике), «чужих-то не брали, не звали» [16]. Отмечается, что «тогда ни открытки, ниче не рас-

сылалалися – ездили тогда» [8]. Подчеркивается, что именно благодаря поезду все в деревне узнавали о происходящей свадьбе: «Это где-то свадьба, молодые ездют» [11]. Конечно, в основном свадьба представляла собой торжество для широкой публики – на ней собиралось от 30 до 100 человек, но бывали и скромные свадьбы, которые отмечались в тесном семейном кругу (особенно если брак не был первым).

Пока молодые приглашали гостей, их новый общий дом всю обустраивается и обставляется приданым невесты. В подготовке «семейного гнезда» активное участие принимала и молодая хозяйка – как отмечали респонденты, «дом полностью убранный был, шторы висели уже» [8].

Первый день торжества отмечался в доме жениха. Прибывшую на «свадебном поезде» новоиспеченную семью встречают родители жениха и невесты. Мысль о том, что они прошли через важный этап жизни (создание новой ячейки общества), находит отражение в особых ритуальных действиях, которые проводились с порога. В работе В. С. Бузина описывается многообразие происходивших действий: молодые могли проходить по положенной вверх мехом шубе или оказаться осыпанными зерном, над их головами разламывали хлеб или жгли лапти [15, с. 329]. В Алейском районе также была выявлена одна из обрядных вариаций. Несколько раз упоминалось, что родители жениха «шубу раскидывали» [8], т. е. сиденья покрывали шубой, а жених и невеста должны были сидеть на ней. В некоторых источниках отмечается, что этот обряд выполнялся непосредственно в доме девушки до приезда свадебного поезда, однако, судя по воспоминаниям участников празднования, эта ритуальная часть выполнялась уже непосредственно на пиру.

Обратим внимание на еще один аспект свадьбы, называемый респондентами «хлебом и солью». Под этим словосочетанием понимается еще один свадебный обряд, связанный с выпеканием караваев. Эта традиция широко известна и распространена и в наше время. Респондентами отмечается, что для свадеб 1950–1970-х гг. это также было характерно [9].

Сам свадебный каравай пекли в доме невесты, причем это действие сопровождалось большим количеством архаичных обрядов. На них мы не будем останавливаться, так как, по словам В. С. Бузина, они исчезли к XX в., а значит, не могут относиться к исследуемому периоду [15, с. 332]. Важно отметить, что каравай изготавливали непосредственно накануне свадьбы. Об особенностях его изготовления, к сожалению, сведений собрать не удалось, но респонденты подчеркивали, что ранее такой традиции не наблюдалось: «Как-то вот раньше свадь-

бы без этого были – мы с девчонками бегали смотрели – там не было, это сейчас обычай какой-то. Кто больше откусит, тот будет хозяин семьи» [9]. Несомненно, этот момент свадьбы был одним из самых значимых, ведь он имел символическое значение. По негласному правилу, откусивший большую часть изделия обретал большую власть в семье.

Для гостей накрывалось большое застолье, сопровождаемое простыми, но при этом разнообразными угощениями. Хотя кушанья и являлись повседневными, их готовили много: это были различные салаты из свеклы, морковки, яиц, винегрет. Одним из самых распространенных продуктов, конечно, был картофель: его тушили или делали из него пюре – «толченку». Варили кисели и делали холодец, пекли фаршированные творогом блины. Отдельно отмечается окрошка – это блюдо респонденты называют характерным для свадеб того времени. Стоит заметить, что такое важное торжество не обходилось и без приготовления мясного блюда – на листах в печи небольшими кусочками жарилась гусятину, курятину, утятину [8].

Каравай стал неотъемлемой частью свадьбы, но одного этого мучного изделия было явно недостаточно даже при небольшом количестве гостей. Поэтому над вкусными угощениями работала вся семья. Одна из респонденток отмечает, что готовила не только ее мама, но для такого дела приезжали на выручку и сестры, и даже сноха. Ассортимент испеченных пирогов также был широк: «Пекли из черемухи, с калиной, с картошкой – кто что мог». Л. Болотова вспоминает, как заготавливались ягоды для последующего использования в выпечке: «Ягоды мама сушила – смородину сушила, потом кипятком их обдаст, и они разбухнут, и вот мы стряпали. А черемуху мы всегда с сахаром крутили. Калину тоже парили, мороженую делали калину. Вот свадьба если зимой – мороженую заносили, размораживали вот и пироги, отпаривали их» [8].

Кроме пирогов, вспоминают также и о хворосте – тонком и ломком печенье, которое пекли «плашками». В целом, судя по ответам респондентов, хрустящая выпечка была широко распространена на свадебном пиру. Другим вариантом хвороста являлись стружни. Все эти изделия пеклись заранее и впрок на больших листах. Тенденция к изготовлению изделий своими руками была очень актуальна на период 1950–1970-х гг., что говорит о еще пока низком уровне развития сети общественного питания и магазинов в сельской местности.

На второй день свадьбы в доме невесты проводился один из самых ярких и запоминающихся обрядов всей свадебной церемонии – «продажа блинов». Ответственность за проведение необходимых действий возлагалась на крестных – они организовывали продажу уго-

щения. Выпив перед действиями несколько стопок, «продавцы» приступают к торговле. В обмен на блин гость должен был сделать подарок молодоженам (дар в денежном виде тогда был не столь распространен). После гость выпивал стопочку и уступал место следующему [8, 11, 13, 16].

Дорогим и важным подарком для молодых являлись предметы текстиля (различная ткань — ситец назывался чаще остальных материалов), а также скот или съестные припасы: «быка положили, телку положили, баранчика», «родственник мешок пшеницы подарил». Отмечаются и более скромные подарки, которых было большинство — «кто платок, кто рубаху». Денежный подарок имел значительный перевес в сравнении с вышеперечисленным, однако он редко упоминается респондентами (исключение — 250 рублей надарили на свадьбе Болотовым, тогда это считалось большими деньгами) [8].

Несмотря на то, что свадебное гуляние могло длиться до недели, зачастую третий день являлся последним. Окончательное празднование проводилось там же, где и начиналось, — в доме у жениха. Здесь, по словам В. С. Бузина, проводилось ритуальное испытание молодой, выражавшееся в разных бытовых и повседневных задачах — гости должны всячески мешать невесте, а именно разбрасывать по полу смесь мусора и монет [15, с. 332–333]. Этот ритуал был характерен и для Алейского района в рассматриваемый период. Правда, здесь он был дополнен и носил другое название — «овин тушить». Суть обряда — «мелочь кидают — подметать». Когда набирается достаточно мусора, его поджигают — невеста все так же убирает, монетки так же щедро летят на пол. Их собирал жених. Когда мусор заканчивался, дымящее ведро выносилось на улицу — необходимо было его потушить. Респонденты вспоминали: с целью погасить пламя гости использовали «кто что может» — от монеток и платочка до курочки и петушка. Л. Болотова рассказывала, как дядя ее мужа тушил овин «баранчиком» [8].

Не только тушение овина знаменовало окончание свадьбы. Ему также предшествовал обязательный для свадебного торжества ритуал — продажа «курника». По словам респондентов, курник представлял собой пирог с воткнутыми в него сухими веточками лопуха (репейника), украшенными бумажными цветами и белыми лентами. Для большего привлечения внимания на него вешали конфеты и папиросы. На столе курник сопровождали две бутылки вина, перевязанные красными лентами. Главными лицами, отвечавшими за выкуп, так же как и в случае с блинами, являлись дружка и крестные. Как можно заметить, их роль в проведении торжества была очень значительна [8, 12]. Пра-

вила свадебной традиции просты: кто больше положил – тот и выкупил, однако отмечается, что нередко родители жениха и невесты выкупали курник поровну. Подобная ситуация создавала условия уравнивания будущих родственников и позволяла разливать по одной бутылке каждой стороне и разделить сам курник, раздав его своим близким: «Они раздавали своей родне, папа свой родне с мамой раздавали» [8]. Нередко выкупить курник было суждено кому-то одному – в этом случае победившему разрешалось и раздать курник. На этом этапе свадебная церемония считалась оконченной.

Ранее уже говорилось о том, что в 1960-е гг. появляются первые дворцы бракосочетаний – отношения официально закрепляются законодательством [6, с. 58]. Эта тенденция нашла широкое распространение в городском пространстве. В 1960–1970-е гг. для новобрачных Алейского района также была характерна регистрация брака. Некоторые пары проходили до нее еще до свадьбы, но, судя по опросу, таких было меньшинство. В основном констатация брака происходила непосредственно после рождения первого ребенка, ведь для регистрации нового члена семьи необходимо было и законное подтверждение отношений родителей. Респонденты говорили: «Потом уж регистрировались», т. е. это дело не являлось первостепенной задачей новобрачных. Дворцы были характерны для городской местности, а в селах в рассматриваемый период регистрация осуществляется в сельском совете. Процедура письменного заключения брака была довольно своеобразна: одна из респонденток вспоминала, что даже «не была там и ниче не знала» и отмечала, что «щас так не регистрируешься», т. е. брак был зарегистрирован только в присутствии одного из супругов [8].

Таким образом, следует отметить ряд тенденций, касавшихся свадебного обряда в сельской местности Алтайского края в 1950–1970-е гг. Во-первых, в отличие от городской местности, видоизменившейся и трансформировавшей свадебный обряд под влиянием современных веяний, сельские поселения все еще крепко были привязаны к традициям, которые долгое время соблюдались предками. На это во многом влияло материальное положение сельского населения, которое было несколько ниже, чем у городского, а также отсутствие непосредственного доступа к ряду нововведений из-за их дефицитности.

Во-вторых, на сельскую свадьбу большое влияние оказывали и идеологические установки, которые транслировались государством. Это выразилось прежде всего в практически полном исчезновении религиозной части обрядности или религиозного подтекста у ряда элементов обряда.

V. S. Osokina

Wedding rituals of the Russian population of the Aleisky district in the 1950s-1970s. based on field materials in 2022

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Annotation. The article discusses the main features of the Russian wedding ceremony in the 1950s-1970s through the analysis of field materials collected in the Aleisky district in 2022. The author compares wedding rituals in urban and rural areas, as well as what kind of influence the state had on it through ideology. **Keywords:** *Wedding rituals, Russian population, Altai Territory, 1950–1970s.*

Источники и литература

1. Щеглова Т. К. «Антропология советскости» и городская этнография как перспективные направления организации исследований в образовательных учреждениях // Этнографические исследования истории и культуры народов Алтайского края: учеб. пособие / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2019. С. 174–178.
2. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 574 с.
3. Любимова Г. В., Рублева А. А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 708–713.
4. Фурсова Е. Ф. Южнорусские и украинские черты в свадебной обрядности крестьян д. Парфеново Топчихинского района Алтайского края первой половины XX века // Традиционная культура. 2017. № 2. С. 57–66.
5. Фурсова Е. Ф. Взаимовлияния в свадебной обрядности у сибиряков курско-черниговского происхождения в первой трети XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Том XXII. С. 550–552.
6. Лебина Н. Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 208 с.
7. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015. 484 с.
8. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2022 г.: Алейский район, с. Савинка. Болотова Л. И. 1951 г. р.
9. Там же: Алейский район, с. Дружба. Коротких Н. И. 1941 г. р.
10. Там же: Алейский район, с. Савинка. Сидельникова Т. Г. 1938 г. р.
11. Там же: Алейский район, с. Савинка. Проскуракова В. Я. 1932 г. р.
12. Там же: Алейский район, с. Дружба. Мишустина М. И. 1938 г. р.
13. Там же: Алейский район, с. Дружба. Бороденко А. Н. 1939 г. р.
14. Чижикова Л. Н. Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред.: д-р ист. наук М. М. Громько, Т. А. Листова. Москва: Наука, 1989. С. 171–198.
15. Бузин В. С. Этнография русских: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 421 с.

16. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2022 г.: Алейский район, с. Савинка. Макарова В. Е. 1940 г. р.
17. Там же: Алейский район, с. Дружба. Федорова Л. Ф. 1939 г. р.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-247-251

УДК 39 (571.150)

А. В. Рыков, Е. А. Коляскина, А. А. Гоппе

Историко-этнографическая экспедиция АлтГПУ 2022 года в Алейском районе: продолжение работы и ее результаты*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные итоги историко-этнографической экспедиции АлтГПУ 2022 года. Авторы характеризуют основные сведения, полученные в результате изучения населенных пунктов северной части Алейского района, а также с. Костин Лог Мамонтовского района. **Ключевые слова:** историко-этнографическая экспедиция АлтГПУ, Алейский район, этнографические исследования, устноисторические исследования.

С 5 по 18 июля 2022 г. на территории Алейского и Мамонтовского районов Алтайского края работала научная историко-этнографическая экспедиция под руководством старшего преподавателя кафедры отечественной истории, канд. ист. наук А. В. Рыкова и заместителями руководителя канд. ист. наук, доцента кафедры отечественной истории Е. А. Коляскиной, ассистента кафедры отечественной истории А. А. Гоппе. Экспедиция проходила в рамках учебной этнографической практики студентов 1 курса института истории, социальных коммуникаций и права.

Данная статья является уже традиционным продолжением освещения в полевых сборниках [1–3] работы историко-этнографической экспедиций АлтГПУ.

В 2022 г. научная работа проводилась по уже апробированным программам: «Депортации на Алтай в 1939–1949 гг.: межкультурное взаимодействие и взаимовлияние» [4], «Культура жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» [5], а также велась работа по изучению антропологии советскости в 1950–1960-е гг. [6–7]. Данные программы были

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».